

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 13.
1 ЮЛЯ.
1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маріинскаго театра, 6.

А. Курринъ. „Словъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гиттиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (Allegro). „Елга“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиттиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями *Allegro.* Цѣна **25** коп.

Allegro. Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

В. Малахѣева-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бгльавская. „Капѣль“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

1908 годъ

Юль № 13.

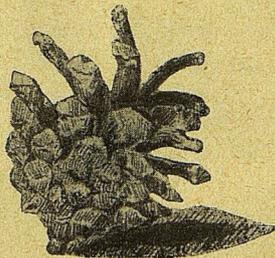
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИИКА.

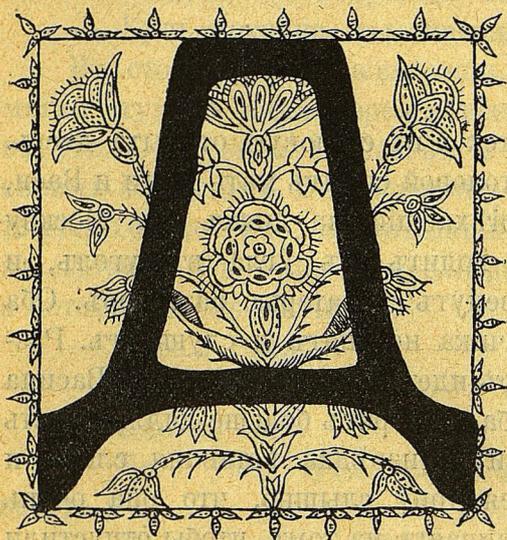
Содержаніе.

1. Разговоръ.—стихотвореніе *М. Пожаровой*.
2. На чужой сторонѣ—повѣсть *В. Поливанова*.
3. Чернильные человѣчки (съ англійскаго) — *М. Риттера*.
4. Божья коровка—*К. Соколова*.
5. Голосъ природы (исторія одной собаки)—*Джека Лондона*. Переводъ *Н. Манасеиной*. (Продолженіе).
6. Ребусъ № 5.
7. Шарады и загадки.

Разговоръ.

Подъ кустами сидить зеленый лѣсной старичекъ. Къ нему прибѣжалъ мохнатый внучекъ.

БДКО-дѣдокъ!

— Что, мой сынокъ?

— Рыжій звѣрокъ

Больно обидѣлъ!

Грызъ я орѣхъ;

Въ листьяхъ-то смѣхъ:

Звѣрь, какъ на грѣхъ,

Съ вѣтки увидѣлъ!

Хвостъ распустилъ,

Глазомъ водилъ,

Зубы точилъ...

Жаль мнѣ орѣха!

Прыгнулъ на сукъ,

Выбилъ изъ рукъ!..

Въ сѣткѣ паукъ

Трясся отъ смѣха...

— Надо простить,

Горе забыть.

Хочешь испить

Влаги медвяной?

Дай принесу!

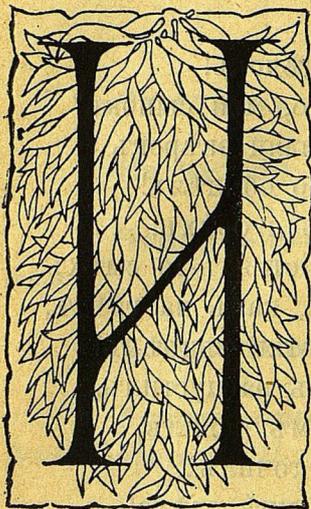
Ночью, въ лѣсу,

Взялъ я росу

Съ кашки румяной.

М. Пожарова.

На чужой сторонѣ.

I.

ЗѢ дѣтской въ столовую открыта дверь. Въ столовой сидитъ мать Мити и Васи, а пріѣхавшій на-дняхъ въ Москву дядя ходитъ изъ угла въ уголь, и они ведутъ съ матерью разговоръ. Оба мальчика не спятъ и слушаютъ. Разговоръ идетъ о нихъ, рѣшается Васина судьба. Говоритъ больше дядя, а мать молчитъ, изрѣдка вставляя слово, и по ея тону слышно, что она очень

огорчена. Дядя Сережа настаиваетъ на томъ, чтобы отпустили къ нему Васю на лѣто.

— Ты понимаешь,—говоритъ дядя,—что югъ для него будетъ очень полезенъ.

— Понимаю,—отвѣчаетъ мать,—но вѣдь онъ никогда изъ дома не ѣздилъ, ему будетъ грустно.

— А ты понимаешь, Митя? — шепчетъ Вася брату въ дѣтской.

— Понимаю, Вася, плохо наше дѣло.

— Плохо, Митя!

— Ему будетъ грустно только первые два дня, а тамъ онъ быстро привыкнетъ, и ему будетъ даже очень весело. Дѣвочки Комаровы очень милыя и пріятныя.

— Да вѣдь дѣвочки-то не мальчики, ну, какая съ ними игра можетъ быть, всѣ онѣ тряпичницы,—шепчетъ Вася.

— Ну, какъ хочешь, — заговорила мать, — я согласна отпустить его; только смотри за нимъ, Сережа, онъ мальчикъ шаловливый, за нимъ нуженъ постоянный надзоръ.

— Будь покойна, ты знаешь, какъ я люблю дѣтей.

Въ столовой голоса смолкли, и только слышно было, какъ мягко ступалъ дядя Сережа, все продолжая ходить изъ угла въ уголь. Пробыло 12 часовъ, и мать съ дядей разошлись по своимъ комнатамъ. Въ столовой потушили лампу, и вездѣ стало темно. Только окна, занавѣшанные бѣлыми сторами, сѣрѣли въ дѣтской. Въ темнотѣ послышалось сначала всхлипыванье, а потомъ голосъ Мити:

— Вась... Вася!

— Чего тебѣ, Митя?

— Иди ко мнѣ.

— Чего ужъ тутъ идти, все равно рѣшено ужъ, повезуть...

— Да ты пока... — Въ темнотѣ загремѣлъ стулъ, босыя ноги затопали, и Вася на-угадъ прыгнулъ къ Митѣ на постель.

— Ахъ!

— Ухъ!

Митя не видѣлъ Васи, и они стукнулись лбами въ темнотѣ.

— Больно, Митя?

— Больно, Вася! Пустяки это—вмѣстѣ жить, говорить.

— Какъ же, когда онъ увезетъ меня?

— Это, значить, и я прїѣду туда!

— Вотъ это здорово!—мальчики засмѣялись и замолкли.

— Ты одинъ будешь, Митя, въ Троицкомъ жить, тебѣ скучно тоже будетъ.

— Да вѣдь я къ вамъ пріѣду.

— Ну вотъ, ты все шутишь, а вѣдь онъ послѣ завтра ужъ ѣдетъ.

Митя молчалъ. Ему ясно представилось, что вотъ пройдетъ завтрашній день, а ужъ послѣ завтра онъ будетъ ложиться спать одинъ, и утромъ встанетъ одинъ и долго, долго будетъ одинъ. Онъ утѣшалъ Васю, говоря, что и онъ пріѣдетъ туда, къ дядѣ, но вѣдь объ его поѣздкѣ и рѣчи не было, развѣ этотъ рогъ, посаженный въ темнотѣ!.. Въ углу заскреблась мышъ, полъ треснулъ въ столовой, въ монастырѣ ударили въ колоколъ. Они сидѣли рядомъ на постели, обхвативъ руками колѣни, и глядѣли на спущенныя занавѣси оконъ. Весенняя ночь быстро таяла и уходила.

— Митя, расскажи что-нибудь на прощанье,—тихо заговорилъ Вася.

— Я, Вася, не знаю ничего... смотри, какъ свѣтаетъ быстро, теперь ужъ видно другъ друга.

— Да, ужъ скоро два часа, въ три ужъ совсѣмъ свѣтло будетъ, птицы проснутся, хорошо бы ну хоть немножечко птицей побыть, ну хоть бы вороной!

— Ну, вороной не стоитъ того; ужъ коли быть, такъ ласточкой.

— Ну, ласточкой. Я бы тогда все кверху летѣлъ, наѣлся бы хорошенько и полетѣлъ и летѣлъ бы, пока силъ хватило, все вверхъ, вверхъ, къ звѣздамъ.

— А вѣдь и надъ землею не дурно пролетѣться. Гляди, а ужъ совсѣмъ свѣтло стало, можно стору поднять.

Они оба подошли къ окну и, влѣзши на столъ, просунули головы подъ занавѣсъ окна. Свѣтало. Небо пожелтѣло ровнымъ утреннимъ свѣтомъ. Въ прозрачномъ весеннемъ воздухѣ сѣрѣли длинныя крыши сосѣднихъ домовъ; городъ еще спалъ,

улица, видная изъ окна, была пустынна, только одинъ извозчикъ стоялъ у фонаря, да и тотъ спалъ.

Мальчики смотрѣли въ окно и молчали, а время бѣжало, нагоняя сонъ. Головы ихъ повисли, оба зѣвали и глядѣли на небо, становившееся все ярче и ярче.

— Пойдемъ спать, Вася.

— Пойдемъ.

Они пожали молча другъ другу руки и разошлись каждый въ свою кровать.

II.

И вотъ они на вокзалѣ. Дядя Сережа хлопочетъ, носится по перрону съ носильщикомъ, разговариваетъ съ кондукторомъ, а они втроемъ—мама, Митя и Вася—стоятъ у чугуннаго столба, поддерживающаго навѣсъ надъ платформой. Грустно смотрятъ они на убѣгающія вдаль рельсы, гдѣ перекликаются маневрирующие паровозы отрывочными свистками, и всѣхъ ихъ тянетъ домой въ столовую, дѣтскую, а потомъ въ деревню, въ Троицкое. Рельсы блестятъ и убѣгаютъ за поворотъ, и Вася думаетъ, что вотъ, какъ завернетъ поѣздъ за поворотъ, такъ ужъ не будетъ видно ни Мити, ни мамы.

Изъ окна вагона высунулась сѣрая фигура дяди Сережи; онъ звалъ ихъ въ вагонъ.

— Вотъ здѣсь и будемъ сидѣть до самаго мѣста,—сказалъ онъ, встрѣчая ихъ въ дверяхъ двумѣтнаго купэ второго класса. Митѣ съ Васей понравилось купэ.

— Я, дядя Сережа, наверху буду спать,—заявилъ Вася.

— Господа провожающіе, прошу выйти, поѣздъ отходить.

— А звонки!—вскричали мальчики.

— Не слыхали мы ихъ,—отвѣчала мама. Она быстро цѣ-

ловала Васю, оба плакали, потомъ она схватила Митю за руку, и они вышли на платформу. Поѣздъ тронулся, и Вася почувствовалъ, что онъ отрывается отъ матери и брата на долго, на долго. Слезы бѣжали изъ глазъ. Они съ дядей, высунувшись въ окно, махали платками. Митя бѣжалъ за поѣздомъ по платформѣ... Вотъ и поворотъ, и разомъ пропалъ и Митя, и мама, и платформа, и они остались вдвоемъ съ дядей Сережей.

Вася быстро вытеръ слезы и съ усиліемъ подавилъ свое горе. Поѣздъ шель по высокой насыпи, а внизу тянулись огороды, за ними какая-то рѣчка, а за рѣчкой начинался городъ. Замелькали дачныя платформы, Вася все не отходилъ отъ окна, примостившись на столикѣ. Послѣ долгой зимы, проведенной въ городѣ, все казалось такимъ хорошимъ, красивымъ. Хотѣлось соскочить съ поѣзда, покататься въ травѣ, потомъ побѣжать въ лѣсъ. Теперь ужъ тамъ въ лѣсу темнѣеть, однѣ только верхушки освѣщены солнцемъ, а внизу темно и тихо. Птицы садятся на ночлегъ. Вонъ огромный черный грачъ летитъ къ лѣсу. Поѣздъ идетъ такъ быстро, что кажется, грачъ виситъ въ воздухѣ и не двигается съ мѣста.

— Вотъ Митя говорилъ, что стоитъ только ласточкой быть, а вѣдь и грачемъ не дурно; я бы тогда вылетѣлъ въ окно, слеталъ бы домой и назадъ вернулся. Платье оставилъ бы тутъ, дядя Сережа подумалъ бы, что я сплю.

— Дядя Сережа, — сказалъ Вася громко, — а мы чай будемъ пить?

— Черезъ полчаса будетъ большая станція, тамъ мы напьемся чая и—спать.

Вася сталъ считать телеграфныя столбы, верстовыя знаки, а поѣздъ все шель, да шель, и онъ думалъ о томъ, что

Митя съ мамой уже вернулись домой, сѣли чай пить, и Митя скоро пойдетъ спать.

Стемнѣло. Вдали засвѣтились яркіе фонари большой станціи. Паровозъ далъ свистокъ и замедлилъ ходъ. Вася никогда не ѣздилъ далеко; Троицкое было въ сорока верстахъ отъ города и они никогда не пили чая на станціяхъ.

Дядя Сережа дѣлалъ все быстро, не волнуясь, какъ настоящій путешественникъ. Вася старался подражать ему, но внутри не переставалъ волноваться. Ему все казалось, что они непременно останутся, и поѣздъ уйдетъ безъ нихъ; что тогда дѣлать? Мама, когда ѣздила съ ними въ Троицкое, всегда страшно боялась опоздать и, бывало, только подадутъ поѣздъ, они сейчасъ бѣгутъ къ вагонамъ; но вѣдь мама не настоящая путешественница, а дядя Сережа настоящій.

Они закусили, лакей подаль два стакана чая. Васѣ это понравилось: дома онъ пилъ чай изъ чашки, какъ дѣвочка, а здѣсь, какъ путешественникъ.

Кончили чай, дядя Сережа досталъ папироску и закурилъ, откинувшись на стулѣ. Васѣ не сидѣлось. Онъ давно уже слышалъ первый звонокъ, скоро второй, а дядя курить.

— На Козловъ, Воронежъ, Ростовъ второй звонокъ! — потрясая колокольчикомъ, басомъ прокричалъ швейцаръ, стоявшій у двери.

Вася не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился къ вагону, но дядя Сережа не двинулся съ мѣста, спокойно расплатился съ лакеемъ и медленно направился къ выходу изъ залы. Когда онъ вошелъ въ свое купэ, гдѣ его уже ждалъ Вася, раздался третій звонокъ,

Поѣздъ двинулся. Въ окнѣ было темно.

— Пора спать, — сказалъ дядя Сережа, — полѣзай на верхъ.

Они простились, и Вася, забравшись на верхъ, устроился, какъ дома. Поѣздъ шелъ, и тяжелый вагонъ мягко покачивался изъ стороны въ сторону. Вася заснулъ и во снѣ онъ былъ снова съ Митей и снова у себя въ дѣтской.

Солнце стояло высоко, когда проснулся Вася. Онъ выглянулъ въ окно. Куда хваталъ только глазъ, вездѣ тянулась ровная зеленая степь, только вдоль дороги живой изгородью бѣжали чахлые кусты.

— Вотъ такъ югъ,—подумалъ Вася,—у насъ куда лучше!— Онъ посмотрѣлъ внизъ. Дядя Сережа лежалъ подъ нимъ и читалъ какую-то маленькую книжку.

— Дядя Сережа, — обратился къ нему Вася, — а что на самомъ югѣ, куда мы ѣдемъ, тамъ тоже ничего нѣтъ?

— Какъ ничего нѣтъ?

— Вотъ, какъ тутъ.

— Нѣтъ, тамъ, гдѣ мы будемъ жить, тамъ кругомъ лѣсъ; вообще Воронежская губернія степная, а подъ самымъ Ворономъ большой казенный лѣсъ. Заводъ, на которомъ я служу у Комарова, стоитъ въ лѣсу, а мы будемъ жить отъ него верстахъ въ десяти и тоже въ лѣсу. Хочешь чая?

Проводникъ принесъ кипятокъ въ большомъ эмалированномъ чайникѣ, дядя Сережа заварилъ чай, и они сидѣли, разговаривали и пили. Васѣ это гораздо больше нравилось, чѣмъ пить чай на станціи. Тутъ ужъ ни-куда не опоздаешь, и обжигаться не надо.

За окномъ тянулась степь. Солнце ярко свѣтило. Когда останавливались на маленькой станціи, вѣтеръ несъ жужжанье пчель. Онѣ роями гудѣли въ ивахъ, окружавшихъ станціонные домики. Со степи долетало пѣнье жаворонковъ и стрекотанье кузнечиковъ. Степь жила, дышала миллионами цвѣтовъ, пѣла пѣсню веселой майской жизни, пѣла отъ края до

края, а края уходили, дрожали въ горячемъ воздухѣ и сливались съ безоблачнымъ небомъ.

— Теперь скоро приѣдемъ,—сказалъ дядя Сережа.

— А гдѣ же лѣсъ?

— Подожди, — и лѣсъ будетъ. Посмотри, видишь трава какая серебряная: это ковыль; здѣсь народъ говоритъ, что ковыль-трава растетъ только тамъ, гдѣ сто лѣтъ не пахано.

Цвѣтущій ковыль серебрился на солнцѣ, гнулся и словно ласкалъ своими нѣжными травками землю. Вася никогда не видѣлъ ковыля на волѣ; у нихъ въ гостиной стоялъ пыльный старый букетъ, и отъ него мышами пахло, а тутъ ковыль такой молодой, красивый!

— Надо Митѣ написать будетъ.

Вася взялъ книгу, легъ опять на верхъ, но читалъ не долго, глаза слипались отъ яркаго свѣта, вагонъ трясло, буквы прыгали, и Вася скоро заснулъ.

— Собирайся, подъѣзжаемъ.

Вася выглянулъ въ окно, лѣсъ подступилъ къ самой дорогѣ.

— Приѣхали! — громко крикнулъ онъ и соскочилъ на полъ.

Чернильные человечки.

УЧИТЕЛЬНИЦА задала такой длинный урокъ, что у Нины еще до конца страницы отъ усталости свело пальцы.

Въ классной комнатѣ было жарко и душно, а изъ сада доносились до Нины веселые крики дѣтей.

Вдругъ—она посадила кляксу! Большая, круглая клякса помѣстилась посрединѣ, и сразу стало гадко смотрѣть на страницу.

Нина опустила голову и всхлипнула.

— Вотъ тебѣ и разъ!—раздался пискливый голосокъ у нея надъ ухомъ, и передъ нею появилась крохотная фигурка съ дружеской улыбкой до ушей.

— Вотъ тебѣ разъ! Кто вы, позвольте узнать, и отчего вы плачете? Меня зовутъ *Но*.

— Но?—сказала Нина,—какое смѣшное имя!

— Это слово, настоящее слово,—сказалъ крошка. — Мы, вѣдь, всѣ—слова изъ чернильницы. Кстати, вы уронили моего друга *Тоже* и я боюсь, что это вышло не очень удачно и, пожалуй, не понравилось ему...

Нина посмотрѣла въ тетрадку и, дѣйствительно, слово, которое она хотѣла написать, передъ тѣмъ какъ посадила кляксу, было „тоже“. Значить клякса была вмѣсто бѣднаго *Тоже*. Она съ безпокойствомъ посмотрѣла на *Но*. Онъ былъ съ головы до ногъ черный и такой крохотный, что легко могъ помѣститься на кончикъ ея пальчика.

Затѣмъ Нина осторожно заглянула въ чернильницу.

— Объясните мнѣ, въ чемъ дѣло?—спросила она,

— Мы всѣ живемъ въ этой чернильницѣ,—съ гордостью

заявилъ человѣчекъ.—Маленькіе изъ насъ—это *Вз* и *Но*, а кто побольше и постарше,—это тѣ длинныя слова, которыя вы такъ не любите списывать... А вотъ, я вижу, что вы ввели въ ошибку моего друга *Разъ*...

Нина покраснѣла и, какъ можно скорѣй, исправила въ тетрадкѣ *e* на *н*.

— Насъ въ семьѣ не мало, фамилія *Но* очень распространена,—сообщила далѣе крошка.

— Да, я знаю,—сказала Нина печально.—Моя учительница всегда прибавляетъ „но“: иди гулять, *но* сперва приготовь урокъ. „Можешь надѣть новое платье, *но* не забудь передника“, и всегда такъ.

— Однако, я надѣюсь, Вы понимаете, что я здѣсь не причемъ,—сказалъ маленькій *Но*.

— О, конечно,—отвѣчала Нина любезно,—*но*...

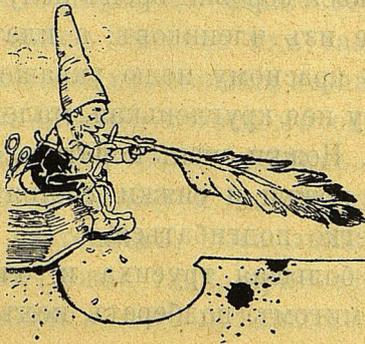
Въ эту минуту кто-то тронулъ Нину за руку.

— Проснись, Нина,—раздался голосъ учительницы,—что это такое: ты спишь за уроками!

Нинѣ не вѣрилось, чтобы это былъ только сонъ. Она была увѣрена, что познакомилась съ чернильными человѣчками.

— Сложи свои тетрадки,—сказала учительница,—убери книги и можешь пойти поиграть съ дѣтьми, но...

М. Риттеръ.

Божья коровка.

БОЖЬЮ коровку любятъ вездѣ, гдѣ только она водится, а водится она по всей землѣ, и повсюду народъ даетъ самыя милыя названія этому маленькому жучку. Такъ нѣмцы называютъ его „Herrgottesvöglein“ (Божья птичка), „Sonnenkälbchen“ (Солнечный теленочекъ), „Gotteschäflein“ (Божья овечка), „Marienvöglein“ (Птичка Маріи) „Marienwürmchen“ (Маріинъ червячекъ).

Англичане называютъ краснаго жучка съ черными точками „Lady bird“ (Дамская птичка), французы— „Vache à Dieu“ (Божья коровка), „La bête du bon Dieu“ (Божій звѣрекъ) или „Le cheval de la Vierge“ (Лошадка Божьей Матери).

И дѣйствительно, Божья коровка, по своей очаровательной внѣшности, —премилое созданье.

Существуетъ около 1000 разновидностей этого жучка, но самый крупный и самый красивый изъ нихъ—это самая обыкновенная семиточечная Божья коровка.

Тѣло у этой Божьей коровки вродѣ полу-лячка, совершенно гладкое, брюшко все изъ члениковъ, а платье на ней глянцевитое, красное, и по красному полю украшено семью черными бляшками. Головка у нея кругленькая, маленькая, съ довольно длинными сяжками. Ножки очень короткія, сяжки съ зазубренными коготками. И ножки и сяжки состоятъ изъ члениковъ и потому могутъ легко подгибаться,

Божья коровка большая трусиха и очень хитрая. Какъ только испугается, мигомъ подберетъ подъ себя и сяжки и

ножки, и замретъ. Это она мертвой представляется. Вотъ почему, взятая на руку, Божья коровка нѣкоторое время остается неподвижной. Она испугалась, когда ее схватили и замерла, а потомъ, рѣшивъ, что никакая опасность не грозитъ, она раскрываетъ крылья и быстро улетаетъ съ мѣста, такъ какъ оно ей все-таки кажется подозрительнымъ. Запрятываетъ ножки и сяжки Божья коровка очень быстро и такъ же быстро улетаетъ съ ненадежнаго мѣста, но эта быстрота движеній ей совсѣмъ не свойственна.

Божьи коровки любятъ спокойствіе и неподвижность, и только одинъ страхъ способенъ заставить ихъ поторопиться. Трусить Божьимъ коровкамъ приходится часто. Нѣкоторыя насѣкомыя, какъ напримѣръ осы, и птицы, особенно дрозды, большіе любители этого жучка, и Божья коровка защищается отъ нихъ, какъ умѣетъ. Завидѣвъ осу, выпускаетъ изъ себя пахучую жидкость, запаха которой не выносятъ эти насѣкомыя, а спасаясь отъ птицъ, притворяется мертвой и стремглавъ падаетъ въ траву. Только и здѣсь ей иногда приходится плохо. И часто Божья коровка, спасаясь отъ крылатаго врага, попадаетъ прямо въ ротъ какой нибудь ящерицы или лягушки. Онѣ тоже не прочь полакомиться хорошенькимъ жучкомъ съ темными пятнышками на красной спинкѣ.

Лѣтомъ Божьихъ коровокъ можно встрѣтить повсюду на волѣ, но особенно много бываетъ ихъ тамъ, гдѣ сидятъ тли.

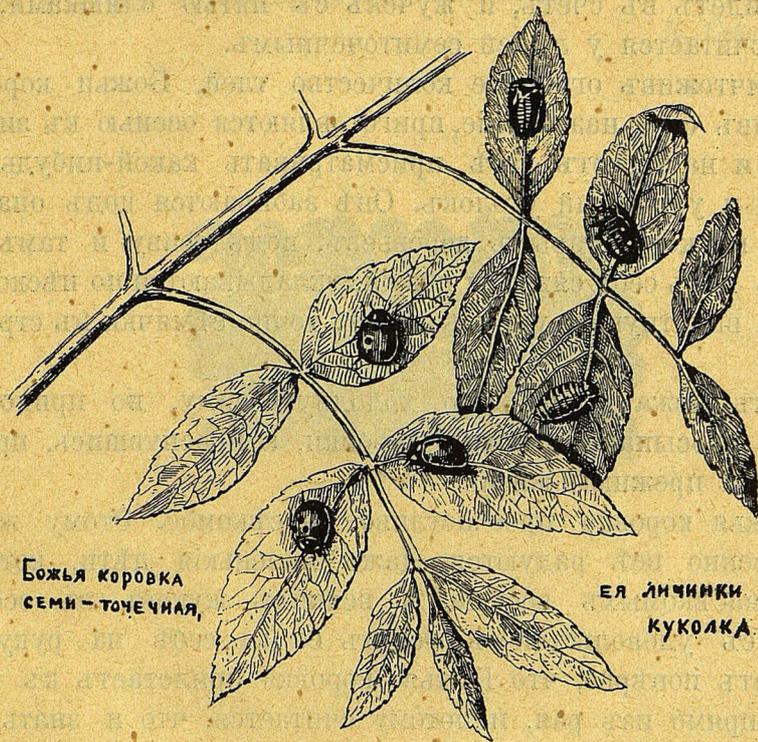
Тли—это крохотныя пузатенькія козявки, зеленого, бураго или чернаго цвѣта. Своимъ хоботкомъ онѣ высасываютъ соки растенія. Божьи коровки очень любятъ этихъ нѣжныхъ и жирныхъ козявокъ и питаются исключительно ими. А такъ какъ тли вредятъ растеніямъ, высасывая изъ нихъ соки, то Божьи коровки, уничтожая тлей, приносятъ большую пользу и растеніямъ, и людямъ. Онѣ поѣдаютъ тлей въ огромномъ

количество. Гдѣ прошла Божья коровка, тамъ, обыкновенно не остается уже ни одной тли. Питаются Божьи коровки и цвѣточнымъ сокомъ, но тли составляютъ ихъ главное пропитаніе. Особенной прожорливостью отличаются ея дѣти — гусеницы. Мать знаетъ, что имъ понадобится много ѣды и потому кладетъ весной свои яички въ мѣста, усыпанные тлями.

Изъ яичекъ выходятъ гусеницы, черненькіе червячки, до того маленькіе, что ихъ можно разглядѣть только въ увеличительное стекло. День или два они кажутся совсѣмъ безжизненными. Точно испуганные просторомъ послѣ тѣсноты яичка, жмутся онѣ другъ къ другу и копошатся всѣ вмѣстѣ по близости сморщившихся яичныхъ скорлупокъ. Но на третій или на четвертый день личинки уже расползаются въ разныя стороны, начинаютъ бѣгать по родному листику и пожирать съ жадностью встрѣчныхъ тлей. Вся жизнь личинокъ проходить въ ѣдѣ, онѣ ѣдятъ безъ конца. Черезъ недѣлю или полторы, когда всѣ тли около родного гнѣзда съѣдены, личинки разбѣгаются по всему дереву или кусту. Какъ разбойники, прячутся онѣ за разныя впадины и жилки листьевъ и, притаившись за ними, подстерегаютъ тлей. И хотя видомъ гусеница мало похожа на мать, — хитростью она вся въ нее. Она, какъ и мать, умѣетъ отлично притворяться мертвой. Ляжетъ на спинку кверху ножками и лежитъ неподвижно, пока какая-нибудь неосторожная тля не подползетъ близко или, по глупости, не взберется ей на самое брюшко. Мигомъ тогда оживаетъ притворщица и хватаетъ растерявшуюся тлю.

И чѣмъ больше ѣсть гусеница, тѣмъ больше она растетъ крѣпнеть и хорошѣетъ. Послѣ нѣсколькихъ линяній, довольно безобразный черный червячекъ начинаетъ уже походить на своихъ красивыхъ родителей и дѣлается пестрой и яркой личинкой на длинныхъ и проворныхъ ногахъ.

Когда наступитъ время, личинка прикрѣпляется заднимъ концомъ туловища къ какому нибудь листику и, когда черезъ нѣсколько времени кожа на ея спинкѣ лопнетъ, оттуда

Божья коровка
семи-точечная,

ея личинки
куколка.

высовывается куколка краснаго цвѣта съ чернымъ. Куколкѣ этой ничего не нужно, она такъ и остается сидѣть въ кожицѣ гусеницы, какъ въ карманѣ. Если дотронуться до такой куколки, то она поднимаетъ переднюю часть своего тѣла и снова опускаетъ ее, точно молоточекъ часовъ во время боя. Дней черезъ восемь изъ куколки выходитъ Божья коровка, какъ двѣ капли воды похожая на свою мать, и на ея красномъ

платицѣ, какъ и у матери, тоже семь черныхъ пятнышекъ. Случается, правда, что у какой нибудь и не хватаетъ одного или двухъ пятнышекъ, но Божьихъ коровокъ такъ много, что это не идетъ въ счетъ, и жучекъ съ пятью бляшками, все равно, считается у людей семиточечнымъ.

Уничтоживъ огромное количество тлей, Божьи коровки, исполнивъ свое назначеніе, приготовляются осенью къ зимней спячкѣ и начинаютъ себѣ присматривать какой-нибудь надежный и укромный уголокъ. Онѣ забираются подъ опавшія листья, въ кору старыхъ деревьевъ, подъ траву и тамъ, подобравъ подъ себя сѣжки и ножки, укладываются по нѣскольку вмѣстѣ, вплотную другъ къ другу, точно сѣмячки въ стручкѣ акаціи.

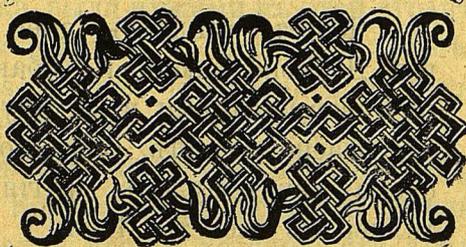
Такъ лежатъ онѣ всю холодную зиму, но приходитъ весна и просыпаются Божьи коровки, а проснувшись, принимаются за прежнюю жизнь.

Божья коровка пресчастливое насѣкомое. Этому жучку обыкновенно всѣ радуются. Даже маленькія дѣти, которые боятся насѣкомыхъ вообще, а всякихъ жуковъ въ особенности, съ удовольствіемъ берутъ ее къ себѣ на руку. Существуетъ повѣрье, что Божья коровка прилетаетъ къ намъ весной прямо изъ рая, и потому считается, что и знать она должна много такого, чего не знаютъ другія земныя существа.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть обычай ловить весной этихъ жучковъ, чтобы пересчитать, сколько у нихъ точекъ на спинкѣ, потому что существуетъ повѣрье, что, чѣмъ больше точекъ на платѣ Божьихъ коровокъ, тѣмъ и урожай будетъ больше. Гадаютъ по этимъ жучкамъ и дѣвушки о своемъ суженомъ. Посадить дѣвушка Божью коровку на руку и спрашиваетъ:

— Скажи мнѣ, жучекъ, гдѣ моего милого домокъ?—
И въ какую сторону съ перепуга полетить Божья коровка,
тамъ, значить, и домокъ, и если не суженаго, то ужъ навѣрное
самой Божьей коровки, потому что весной ей вездѣ хорошо.

К. Соколовъ.

Голосъ природы.

(Исторія одной собаки).

(Продолженіе).

ГЛАВА V.

Тяжелая работа.

Черезъ тридцать дней послѣ выѣзда изъ Даусона, люди и собаки прибыли съ почтовыми санями въ Скалуей. Собаки были въ ужасномъ видѣ. Букъ потерялъ въ вѣсѣ около двухъ пудовъ, другія собаки превратились въ скелеты. Ноги у всѣхъ были въ ранахъ и едва таскали тѣло. Онѣ смертельно устали, наработались до полного изнеможенія. Каждый мускулъ, каждая жила, каждая капля крови въ нихъ требовала покоя.

— Ну, бѣдняги, живѣй!—покрикивалъ, подбадривая ихъ, мулатъ.—Сейчасъ мы будемъ на мѣстѣ, и тогда вы можете спать, сколько угодно. Спать, ѣсть и ничего больше. Никакой работы. Ну, впередъ же, впередъ! Сейчасъ пріѣдемъ.

Устали не только собаки, но и люди, все время бѣжавшіе по снѣгу за санями. Имъ, какъ и собакамъ, нуженъ былъ долгій отдыхъ. Но въ Даусонѣ осталось столько друзей, женъ и дѣтей, что не успѣли отдышаться пріѣхавшіе съ почтой, какъ около нихъ выросла цѣлая гора писемъ и пакетовъ. Принесли и дорожныя донесенія. Ихъ тоже нужно было доставить безъ замедленія. Но на старыхъ собакахъ ѣхать было немислимо, необходимо было застаться новыми. И такъ какъ собаки стоятъ все таки дешевле денегъ, то и порѣшили ихъ

продать. Явились два челоѣка и купили ихъ за безцѣнокъ со всей упряжью. Люди эти называли одинъ другого Шарлемъ и Галемъ и пріѣхали сюда изъ Соединенныхъ Штатовъ. Шарлю было на видъ лѣтъ сорокъ. Это былъ блондинъ съ холодными водянисто-голубыми глазами и усами, закрученными кверху. Галь былъ совсѣмъ молодой, лѣтъ двадцати, не больше. Онъ носилъ за поясомъ огромный револьверъ и охотничій ножъ, и это было въ немъ самое замѣчательное. Эти оба челоѣка были чужими въ этой странѣ и отлично сдѣлали бы, еслибы совсѣмъ не пріѣзжали на сѣверъ.

Букъ слышалъ, какъ торговались, видѣлъ, какъ отдавали деньги и понималъ, что мулатъ вмѣстѣ съ товарищами исчезаютъ изъ его жизни, какъ уже исчезли Перроль, Франсуа и многіе другіе. Когда его вмѣстѣ съ остальными собаками подвели къ палаткѣ новаго хозяина, онъ увидалъ тамъ такой беспорядокъ, какого ему еще ни разу не случилось видѣть. Увидѣлъ онъ тамъ и женщину. Звали ее Мерседесъ, она была жена Шарля и сестра Галя.

Букъ слѣдилъ внимательно за тѣмъ, какъ собирали палатку и ставили ее на сани. Шарль съ Галемъ ужасно суетились, но дѣлали все какъ-то беспорядочно. Палатку они собрали плохо, и она заняла вдвое больше мѣста, чѣмъ нужно. Посуду передъ отъѣздомъ не вымыли. Мерседесъ совалась всѣмъ подъ ноги, хваталась за все и не дѣлала ровно ничего. Стоило мужчинамъ пристроить какой-нибудь изъ узелковъ спереди, какъ она требовала, чтобы его прикрутили сзади. Или вдругъ ей надо было вынуть или положить что-то очень необходимое изъ мѣшка или въ мѣшокъ, который только что успѣли пристроить на самомъ верху поклажи.

Хозяева изъ сосѣднихъ палатокъ смотрѣли на укладку и смѣялись.

— Однако и вещей же у васъ, — сказалъ кто-то. — Конечно, мое дѣло сторона, а только я бы вамъ совѣтоваль оставить палатку.

— Немыслимо! — закричала Мерседесъ и всплеснула руками. — Безъ палатки я не могу одѣться.

— Ну, какъ-нибудь да одѣнетесь, — продолжалъ совѣтчикъ.

— Вѣдь ужъ весна на дворѣ. Теперь не холодно.

— И неужели вы надѣетесь, что собаки сдвинуть съ мѣста такой грузъ? — спросилъ кто-то.

— А почему же нѣтъ? — отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ Галь.

— Это въ десять разъ больше того, что по силамъ собакамъ, — послышалось новое замѣчаніе.

А Шарль только подтягиваль ремни.

— И это повезуть собаки? — приставали къ нему любопытные.

— А то кто же? — отвѣтилъ Галь. Онъ сидѣлъ на верху всей поклажи. Взявъ возжи въ одну руку и хлысть въ другую, онъ крикнулъ:

— Трогай, ну, трогай же!

Постромки натянулись, собаки старались изо всѣхъ силъ, но сани съ мѣста не двигались.

— Ахъ вы, лѣнтяи! — закричалъ Галь и поднялъ хлысть. Но Мерседесъ повисла у него на рукѣ.

— Только не бей, Галь, только не бей, — вопила она. — Ахъ бѣдныя, ахъ милыя животныя. Обѣщай мнѣ, что ты ихъ не будешь бить, иначе я не поѣду съ вами, ни за что не поѣду. Вотъ увидишь!

— Что ты понимаешь въ собакахъ, — ворчалъ братъ.

— Оставь меня въ покоѣ. Это — лѣнтяи и безъ палки съ ними нельзя. Спроси кого хочешь.

Хлысть Галя взвился въ воздухѣ и со свистомъ опустился на спины собакъ. Онѣ напрягли всѣ силы, чтобы тронуть сани, но ноги ихъ скользили на гладкомъ, хорошо утоптанномъ снѣгу. Сани стояли, какъ вкопанныя. Всѣ усилія были напрасны. Собаки тяжело дышали и тряслись всѣмъ тѣломъ. Опять свистнулъ хлысть въ воздухѣ; этого не могла больше выдержать Мерседесъ. Она бросилась на колѣни передъ Букомъ, обвила рукой его шею и крѣпко прижала его къ себѣ. На глазахъ ея были слезы.

— Ахъ бѣдныя, вы бѣдныя,—плача причитала она.

— Почему же вы не тянете, какъ слѣдуетъ? Ну, постарайтесь, голубчики, вѣдь поймите, намъ пора ѣхать.

Букъ не понималъ, что это все значитъ. Нельзя сказать, чтобы эта внезапная и бурная нѣжность была ему по вкусу, но онъ слишкомъ усталъ, чтобы ей противиться.

Одинъ изъ глазѣвшихъ на все это, подошелъ къ санямъ и произнесъ:

— Послушайте вы, дуралеи, я бы не сказалъ вамъ ни слова, но мнѣ жаль собакъ. Неужели вы не видите, что у васъ полозья примерзли?

Въ третій разъ стали тянуть собаки, и на этотъ разъ сани чуть-чуть тронулись, потому что люди ихъ сильно подталкивали сзади. Но двигались сани очень медленно, высокій тяжелый грузъ покачивался изъ стороны въ сторону. Собаки дѣлали страшныя усилія и почти распластывались по землѣ, а хлысть такъ и свистѣлъ, точно градомъ осыпая ударами спины животныхъ. Дорога пошла подъ гору, и сани заскользили быстрѣе. Все сильнѣе раскачивалась поклажа и вдругъ—трахъ!—всѣ вещи сразу полетѣли въ разныя стороны прямо въ снѣгъ. Собаки это отлично видѣли, но не остановились, потому что были обозлены. Букъ побѣждалъ первый,

а другіе пустились за нимъ. Никакіе „тпру“, ни „стопъ“ не дѣйствовали. На саняхъ не осталась ничего изъ поклажи, и онѣ стали совсѣмъ легкими, да и дорога шла все подь гору; хорошо еще, что какіе-то два встрѣчные человѣка остановили собакъ. Они же и помогли собрать развалившіяся вещи. Потомъ они серьезно поговорили съ тремя чужестранцами и убѣдили ихъ, наконецъ, что они должны взять двойное количество собакъ на половину своей поклажи, если только хотятъ добратъся до Даусона. Началась сортировка багажа, среди смѣха и издѣвательствъ собравшихся зѣвакъ.

— Простынки, да еще никакъ цѣлая дюжина!

По всей вѣроятности, они собирались открыть гостиницу.

— А тарелокъ-то сколько! Горшковъ! Кажется, эти люди вообразили себѣ, что ѣдутъ въ салонъ-вагонѣ съ курьерскимъ поѣздомъ!

Среди такихъ замѣчаній одна за другой откладывались въ сторону вещи, признанныя за ненужныя. Мерседесъ плакала, кричала и всплескивала руками. Она увѣряла, что никуда не поѣдетъ, потому что не можетъ жить безъ удобствъ. Когда же убѣдилась, что сочувствіе не на ея сторонѣ, то страшно разсердилась и сама стала выбрасывать свои вещи, впопыхахъ захватывая необходимое для дороги. Поклажа убавилась на половину, но все-таки была еще черезчуръ тяжела. Шарль и Галь пошли прикупить собакъ. Они привели цѣлыхъ шесть, но всѣ онѣ были не выѣзжаны и непривычны къ работѣ. Были среди нихъ три короткошерстые пинчера, одинъ Ньюфаундлэндъ и двѣ собаки неопредѣленной породы. Букъ съ трудомъ обучилъ ихъ тому, чего онѣ не должны были дѣлать: научить же ихъ тому, что онѣ должны были дѣлать, оказалось невозможнымъ. Онѣ совсѣмъ потеряли го-

лову отъ ужаса, очутившись вдругъ на чужой сторонѣ, гдѣ все было имъ ново и непривычно.

Довольно плачевный вышелъ поѣздъ. Но люди изъ Соединенныхъ Штатовъ были другого мнѣнія. Они очень гордились своей упряжкой. Много саней уже выѣхало изъ этихъ мѣстъ, но никто еще не имѣлъ въ упряжи цѣлыхъ четырнадцать собакъ. Почему люди не брали съ собой по четырнадцать собакъ, объ этомъ ни Шарль, ни Галь не раздумывали. И хватить-ли у нихъ продовольствія на столькихъ собакъ, они тоже не соображали. Имъ казалось, что они рассчитали вѣрно: столько-то собакъ и столько-то дней пути, а чѣмъ больше собакъ, тѣмъ скорѣе ѣзда. Это было для нихъ ясно. Такъ рассчитали Шарль вмѣстѣ съ Галемъ, а Мерседесъ смотрѣла на нихъ, поддакивала и кивала головой.

Букъ чувствовалъ себя довольно плохо. Онъ сильно усталъ. Новые люди не внушали ему никакого довѣрія. Онъ сразу увидѣлъ, что они ровно ничего не понимаютъ и ничему не способны научиться. Никогда раньше поздней ночи не удавалось имъ справиться съ палаткой и никогда раньше полудня не могли они собрать ее. Да и складывали они ее обыкновенно такъ, что она разъ двѣнадцать падала съ саней. И относительно пищи приходилось туго. Собаки голодали и слабѣли все больше и больше. Имъ удвоили порціи, думая, что это подкрѣпитъ животныхъ. По мнѣнію же Мерседесъ они все-таки получали мало. Она пробовала спорить съ мужчинами, и когда изъ этого ничего не вышло, стала попросту красть изъ мѣшковъ и потихоньку подкармливать собакъ.

Послѣ дней усиленнаго питанія началось голоданіе. Въ одинъ прекрасный день Галь сдѣлалъ открытіе, что не хватаетъ корма для собакъ, и пришлось убавить порціи. Собаки ослабѣли окончательно, отъ нихъ остались только кожа да кости.

За это время измѣнились и люди. Они представляли себѣ совсѣмъ иначе путешествіе по сѣверу, и лишенія, на которыя они такъ неожиданно натолкнулись, испортили ихъ характеръ. Мерседесъ уже больше не плакала надъ собаками; теперь ей самой приходилось плохо и она часто плакала надъ самой собою, а въ остальное время ссорилась съ мужемъ и братомъ. Да и вообще они всѣ трое никогда не уставали ссориться. Когда Мерседесъ оставляла въ покоѣ мужчинъ, они спорили между собой. Каждый былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ больше другого, и оба они упрекали другъ друга при всякомъ удобномъ случаѣ. Мерседесъ же иногда брала сторону мужа, а иногда брата, и тогда начиналась всеобщая грызня съ бранью и неслыханными проклятіями. Часто за бранью и криками всѣ забывали, что нужно развести огонь и покормить собакъ.

Мерседесъ еще ко всему чувствовала себя обиженной и униженной. Это было хорошенькое, маленькое, кругленькое существо, привыкшее къ ласкѣ и вниманію. Теперь же и мужу и брату было не до нея, и съ этимъ Мерседесъ не мирилась. Къ собакамъ она уже не чувствовала прежней жалости. Не обращая вниманія на ихъ усталость, на ихъ разбитыя ноги, она сама лѣзла въ сани. Было же въ ней цѣлыхъ четыре пуда, и для измученныхъ собакъ тяжесть эта была очень чувствительна. Шарль и Галь уговаривали Мерседесъ слѣзть и идти пѣшкомъ, но она только плакала, кричала и призывала небо и землю въ свидѣтели такой неслыханной жестокости. Силой съ ней тоже ничего не могли подѣлать. Попробовали какъ-то разъ снять ее съ саней и закаялись. Она, какъ непослушный ребенокъ, дралась кулаками, а потомъ усѣлась прямо въ снѣгъ. Мужчины преспокойно поѣхали впередъ, ожидая, что она ихъ догонитъ. Но, отѣхавъ три

мили, повернули сани и поѣхали обратно. Мерседесъ такъ и сидѣла все на томъ же мѣстѣ въ снѣгу.

Когда роздали собакамъ послѣднія порціи, то встрѣтили, къ счастью, старую индіанку и, напугавъ ее револьверомъ, заставили ее продать замерзшую лошадиную шкуру. Эта шкура, уже цѣлыхъ полгода тому назадъ содранная съ какой-то отощавшей лошади, конечно не могла быть особенно питательной. Когда ее, изрубленную на мелкіе куски, роздали собакамъ, то имъ стало такъ тяжело, точно они наглотались камней.

Букъ наконецъ до того измучился, что падалъ въ упряжи, и только удары хлыста ставили его опять на ноги. Его шерсть загрязнилась и свалялась. Онъ былъ въ ранахъ отъ частыхъ и сильныхъ ударовъ хлыстомъ. Мускулы его сдѣлались дряблыми, ребра торчали.

И съ другими собаками было не лучше. На одной изъ стоянокъ Билли, какъ упалъ замертво, такъ больше и не всталъ. Та же участь постигла еще четырехъ собакъ. Букъ все еще оставался вожаконъ, хотя плохо видѣлъ отъ слабости и едва волочилъ ноги.

Наступила весна. Стояло чудное время, но ни люди, ни животныя этого не замѣчали. Имъ было не до того.

Съ каждымъ днемъ все раньше всходило солнце, съ каждымъ вечеромъ заходило оно все позднѣе и позднѣе. Уже въ три часа начинало свѣтать, а къ одиннадцати часамъ ночи еще не совсѣмъ темнѣло. Цѣлый день свѣтило яркое солнце. Въ природѣ повсюду пробуждалась жизнь. По деревьямъ поднимался сокъ, на ивахъ распускались почки. Саранча принималась за свое стрекотанье, всевозможные червяки выползали изъ земли, въ лѣсахъ застучалъ дятель, бѣлки зашуршали вѣтками, съ юга прилетѣли дикіе гуси.

Съ каждой скалы капало, зажурчали ручьи. Ледъ на рѣ-
кахъ трескался. Появились полыньи. И среди этого весен-
няго великолѣпія, подъ яркими солнечными лучами, медленно
подвигались сани съ двумя мужчинами, женщиной и соба-
ками къ стоянкѣ Джона Торнтонна на берегу рѣки Молочной.

Когда сани наконецъ остановились, собаки свалились,
какъ мертвыя. Мерседесъ сразу перестала плакать и, весело
смѣясь, принялась за болтовню съ Джономъ Торнтонномъ.
Медленно и съ осторожностью опустился Шарль на цыновку.
На тѣлѣ у него не оставалось живого мѣста. Все ныло и бо-
лѣло. Галь занялся разговоромъ. Джонъ Торнтонъ спокойно
продолжалъ свою работу. Онъ дѣлалъ новую рукоятку къ
топору, изрѣдка вставляя какое нибудь слово или подавая
совѣтъ, когда его объ этомъ просили ужъ очень настойчиво.

Много онъ не говорилъ. потому что зналъ отлично, что
за люди къ нему пріѣхали, и былъ увѣренъ, что они ничего
не сдѣлаютъ такъ, какъ имъ посовѣтуютъ.

— Вотъ люди болтали, что въ это время года нѣтъ
больше проѣзда по рѣкамъ, что ледъ не держитъ, а вотъ мы,
какъ видишь, благополучно добрались сюда, — хвасталъ Галь.

Такимъ, какъ вы — иногда везетъ, — спокойно замѣтилъ
Торнтонъ. — А вотъ я за все золото Аляски не согласился бы
поѣхать теперь по льду.

— А мы поѣдемъ! — вызывающе объявилъ Галь, откинулъ
назадъ голову и поднялъ хлыстъ.

— Ну, Букъ, маршъ! Впередъ!

Торнтонъ спокойно продолжалъ работать. Онъ видѣлъ,
что совѣтывать и помогать въ данномъ случаѣ совершенно
безполезно.

Собаки не поднимались, несмотря на окрики и угрозы.
Онъ давно впали въ полусонное состояніе, и ихъ можно было

поднять только палкой. И хлысть засвисталъ въ воздухѣ. Торнтонъ стиснулъ зубы. Первымъ поднялся на ноги Соллексъ. За нимъ встали и другія собаки, всѣ, кромѣ Бука. Букъ даже и не попробовалъ подняться и лежалъ неподвижно тамъ, гдѣ свалился. Ударовъ хлыста онъ, какъ будто, не чувствовалъ. Въ первый разъ Букъ отказывался нести свою службу, и отказъ привелъ въ бѣшенство Галья. Теперь онъ колотилъ собаку уже не хлыстомъ, а его деревянной рукояткой. Но Букъ по прежнему не шевелился. Онъ больше ничего не чувствовалъ.

И вдругъ Джонъ Торнтонъ неожиданно поднялся съ своего мѣста и съ крикомъ бросился на Галья. Тотъ запатался и упалъ, точно подрубленное дерево. Мерседесъ закричала. Шарль заморгалъ своими бѣлыми рѣсницами, но не всталъ. Онъ былъ слишкомъ разбитъ.

Джонъ Торнтонъ нагнулся къ Буку. Онъ былъ весь бѣлый, какъ мѣлъ и весь дрожалъ отъ негодованія и гнѣва.

— Если ты хоть разъ еще ударишь собаку, я убью тебя,— проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Это моя собака,—закричалъ Галь, поднимаясь на ноги и вытирая кровь съ носа.—Я въ правѣ дѣлать съ ней все, что хочу.—

Но Торнтонъ сталъ между нимъ и Букомъ.

Съ Мерседесъ сдѣлалась истерика. Она кричала, плакала и смѣялась. Галь вытащилъ ножъ, но ударъ по рукѣ рукояткой отъ топора заставилъ его выронить ножъ. Галь хотѣлъ нагнуться, чтобы его поднять, но новый ударъ заставилъ его отказаться отъ этого намѣренія. Джонъ Торнтонъ самъ поднялъ ножъ и перерѣзалъ имъ всѣ постромки на Букѣ.

Галю было теперь не до Торнтонна и не до Бука. Онъ приводилъ въ чувство сестру, а потомъ принялся запрягать собакъ.

Когда все было готово, сани направились къ рѣкѣ. Букъ услышалъ это и поднялъ голову. Пейкъ шелъ за вожака, Соллексъ, какъ всегда, пристяжнымъ справа. Мерседесъ сидѣла наверху въ саняхъ, Галь шелъ рядомъ съ Соллексомъ, а Шарль съ другой стороны.

Въ то время, какъ Букъ смотрѣлъ на поѣздъ, Джонъ Торнтонъ ловко и осторожно ощупывалъ все его тѣло. Кости были цѣлы, но не было мѣста безъ шишекъ и ранъ. А сани между тѣмъ уже съѣхали съ берега и очутились на серединѣ рѣки. И вдругъ передняя часть ихъ высоко поднялась на воздухъ, а задняя ушла подъ ледъ. Звонкій женскій крикъ прорѣзалъ тишину. Шарль повернулся и побѣжалъ назадъ. Ледъ треснулъ сильнѣе, и люди вмѣстѣ съ собаками исчезли подъ нимъ. Темная дыра среди бѣлой равнины—вотъ все, что осталось отъ нихъ.

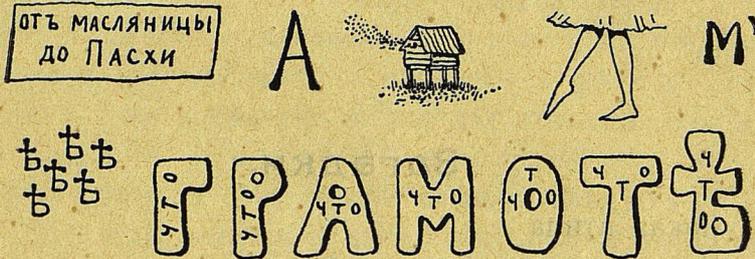
Джонъ Торнтонъ и Букъ взглянули въ глаза другъ другу.

— Бѣдняга!—тихо проговорилъ человѣкъ, а собака медленно и утомленно лизнула ему руку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ребусъ № 5.

Шарады.

- № 4. Трехбуквный первый слогъ
Предлогомъ называется,
Конецъ мой въ землю легъ,
Не дышетъ, не питается.
Его, быть можетъ, нѣтъ,
Но манить онъ людей,
Темнить имъ Божій свѣтъ,
Незримый чародѣй.
А всѣмъ моимъ всегда
Любой портной богатъ,
И все мое, какъ часть,
Несетъ съ собой солдатъ.

- № 5. Мое начало—утверждаетъ.
Конецъ, когда красивъ, плѣняетъ,
А весь я, Бога возлюбивъ,
Его величіе воспѣлъ,
Молитвой духъ освободивъ
Отъ мыслей злыхъ, отъ темныхъ дѣлъ.

Загадки.

3. Какая птица
Изъ множества буквъ родится?
4. Нищій длинный и худой,
Съ тонкой сѣрой бородой,
По окошкамъ онъ стучить,
Тихо людямъ говорить:
— Я и блѣдень, я и нагъ,
Я и бѣдень, но я благъ:
Всѣмъ богатства я несу
По лугамъ, въ поляхъ, въ лѣсу.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издан.

ТРОПИНКА

III-й г.
издан.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтой средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарды и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Аллего, К. Вальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Бѣлый, Л. Вѣльскій, О. Вѣляевская, Л. Васильевскій, Э. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, И. Гинцбургъ, Э. Гишпюсъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Куиринъ, Кн. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасейна, Д. Мережковский, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Навѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потъхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Ф. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ.

И. Билибинъ, Т. Гишпюсъ, С. Городецкій, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасейна*.